

Научная статья

УДК 316.62:159.9.072.43

<https://doi.org/10.21702/rpj.2021.2.6>

Взаимосвязь склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии в подростковом возрасте

Светлана С. Антипина¹ , Анастасия В. Микляева²

^{1, 2} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

 a.miklyaeva@gmail.com

Аннотация

Введение. Исследование направлено на изучение взаимосвязей между склонностью к различным формам киберагрессии, агрессивностью и эмпатией в подростковом возрасте. Киберагрессия понимается как преднамеренное нанесение вреда другим пользователям Интернета; формы киберагрессии выделяются на основании типологической модели киберагрессии, предложенной К. Рунионсом, которая впервые применена для анализа онлайн-поведения российских подростков.

Методы. В исследовании приняли участие 196 подростков в возрасте 12–15 лет. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью опросника «Типология киберагрессии», адаптированного для русскоязычной выборки в нашем исследовании, а также опросника уровня агрессивности Басса – Перри в адаптации С. Н. Ениколопова и шкалы эмоционального отклика А. Меграбяна в модификации Н. Эпштейна.

Результаты. Результаты исследования не позволили зафиксировать взаимосвязей между склонностью к киберагрессии, агрессивностью и эмпатией, которые были бы универсальными на протяжении всего подросткового возраста. Статистически значимые корреляционные связи склонности к киберагрессии с агрессивностью начинают фиксироваться только с 14-летнего, с эмпатией – с 15-летнего возраста. Агрессивность не является значимым предиктором киберагрессии подростков, эмпатия детерминирует склонность к киберагрессии (с отрицательным знаком) только среди 15-летних подростков.

Обсуждение результатов. Формулируется предположение о различном психологическом смысле киберагрессии на разных этапах подросткового возраста: киберагрессия как форма «социальных проб», не отражающая личностные особенности подростков, в начале подросткового возраста, и киберагрессия как форма проявления устойчивых личностных черт (прежде всего, дефицита эмпатии) в старшем подростковом возрасте.

Заключение. На основании полученных результатов сделан вывод о необходимости дифференцированного подхода к профилактике и коррекции киберагрессии подростков с учетом ее психологического смысла на разных этапах подросткового возраста.

Ключевые слова

киберагрессия, подростки, агрессивность, физическая агрессия, вербальная агрессия, эмпатия, мотивы киберагрессии, предикторы киберагрессии, возрастная динамика, гендерные различия

Основные положения

- взаимосвязи между показателями склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии различаются в зависимости от возраста подростков;
- в выборках 12- и 13-летних подростков взаимосвязей между показателями склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии не зафиксировано;
- в выборке 14-летних подростков склонность к киберагрессии положительно коррелирует с показателем вербальной агрессивности, в выборке 15-летних – с вербальной агрессивностью и суммарным показателем агрессивности, а также отрицательные – с эмпатией;
- эмпатия является отрицательным предиктором склонности к киберагрессии только в выборке 15-летних подростков, агрессивность не продемонстрировала значимого вклада в киберагрессию подростков независимо от возраста.

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания при финансовой поддержке Минпросвещения России (проект № FSN-2020-0027).

Для цитирования

Антипина, С. С. и Микляева, А. В. (2021). Взаимосвязь склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии в подростковом возрасте. *Российский психологический журнал*, 18(2), 94–108. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.2.6>

Введение

В современном обществе фиксируется стремительное развитие интернет-коммуникаций, которые сегодня затрагивают все сферы жизнедеятельности человека. Интернет давно перестал быть сугубо информационным пространством, превратившись в пространство онлайн-взаимодействия. Одна из ведущих российских компаний, работающих в сфере медиаисследований – TNS Россия – отмечает, что с каждым годом сообщество интернет-пользователей молодеет, и среди тех, кто использует Интернет в коммуникационных целях, сегодня преобладают подростки и молодежь (Москвичев, 2018), которые зачастую воспринимают онлайн-общение как более простое и удобное в сравнении с коммуникацией офлайн. Вместе с тем именно эта категория интернет-пользователей характеризуется существенными рисками, сопряженными с особым интернет-феноменом – феноменом киберагрессии, которые могут проявляться как в различных формах кибервиктимизации подростков и молодых людей (например, троллинг, хейтинг и т. д.), так и в формировании у них склонности к проявлению агрессии в адрес партнеров по интернет-коммуникации. Актуальность проблемы киберагрессии в подростковой и молодежной среде подчеркивается широкой распространенностью данного явления, которую отмечают как российские (Солдатова, Рассказова и Чигарькова, 2020), так и зарубежные исследователи (Gómez-Guadix, Orue, Smith, & Calvete, 2013; Wright et al., 2015).

В частности, согласно отчету Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в возрастной категории 11 лет Россия занимает первое место по киберагрессии, опережая Гренландию, Литву, Болгарию, Украину и Латвию, и третье место по распространенности кибербуллинга среди 13- и 15-летних подростков (Солдатова, Львова и Пермякова, 2018). Более половины российских подростков сталкиваются с различными формами киберагрессии, выступая при этом в разных ролях – свидетеля, жертвы или агрессора (Солдатова, Чигарькова и Львова, 2017).

Киберагрессия представляет собой преднамеренное нанесение вреда другим интернет-пользователям с целью утвердить собственную личную значимость (Gini, Card, & Pozzoli, 2018), которое может реализовываться посредством различных форм онлайн-поведения, таких как отправка унижительных сообщений, публичные оскорбления, распространение компрометирующих данных, повреждение личных фотографий и т. д. (Corcoran, Mc Guckin, & Prentice, 2015). Целью киберагрессора, как правило, является причинение вреда жертве, и психологический смысл его или ее действий заключается в том, чтобы почувствовать собственную силу, отомстить своим обидчикам или продемонстрировать собственное превосходство (Wright, 2017). Очевидно, что обозначенные характеристики киберагрессии в определенной степени согласуются с возрастными задачами развития, актуальными в подростковом возрасте, что повышает риск формирования склонности к киберагрессии именно на этом возрастном этапе.

Другая причина, определяющая высокий риск формирования склонности к киберагрессии в подростковом возрасте, связана с особенностями интернет-пространства, которые определяют принципиальные отличия киберагрессии от агрессии офлайн и связаны с отсутствием пространственных и временных ограничений взаимодействия, расширенной аудиторией, анонимностью киберагрессора, его/ее удаленностью от жертвы и, как следствие, возникновение у агрессора своеобразной «онлайн-расторженности» (Suler, 2004), сопровождающейся снижением самоконтроля над собственными проявлениями агрессии (Espelage, Low, Polanin, & Brown, 2013) и искажением обратной связи (Бочавер и Хломов, 2014), что может выражаться в нахождении дополнительных поводов для проявления агрессии. К дефициту самоконтроля добавляются трудности контроля поведения подростков в Интернете со стороны взрослых, благодаря чему киберагрессия подростков в значительно меньшей степени регулируется взрослыми, чем офлайн-агрессия (Goldstein, 2015; Солдатова и др., 2020).

Повышенная уязвимость подростков к риску формирования склонности к киберагрессии определяет актуальность поиска факторов защиты, которые могли бы препятствовать закреплению соответствующих моделей поведения. Представляется, что один из путей решения этой задачи связан с определением личностных коррелятов склонности к киберагрессии. Изучение взаимосвязей личностных особенностей подростков с их склонностью к киберагрессии довольно активно ведется на протяжении последних полутора десятилетий, и в число наиболее часто обсуждаемых коррелятов склонности к киберагрессии входят, помимо прочих, агрессивность и эмпатия, зарекомендовавшие себя в качестве надежных предикторов кибербуллинга (Eisenberg, Eggum, & Di Giunta, 2010; Ang, Li, & Seah, 2017), представляющего собой одну из форм проявления киберагрессии (Corcoran et al., 2015), а также данные об устойчивых отрицательных взаимосвязях агрессивности и эмпатии (например, Суворова, Сорокоумова и Фрундина, 2017).

Наиболее очевидные выводы о характере взаимосвязей склонности к киберагрессии, эмпатии и агрессивности заключаются в том, что агрессивность как устойчивая черта личности подростка выступает в качестве предиктора склонности к киберагрессии, тогда как эмпатия, напротив, работает в качестве фактора защиты. Действительно, в современных

публикациях представлены эмпирические данные, которые показывают, что киберагрессия связана с высоким уровнем агрессивности (Шаров, 2020), описываются переходы (инверсии) киберагрессии в офлайн-агрессию и обратно (Леньков, 2020), в том числе на модели кибербуллинга как формы киберагрессии. В то же время отмечается, что подростки воспринимают киберагрессию принципиально по-иному, нежели агрессию офлайн, относятся к ней как к значительно менее опасному явлению (Pornari & Wood, 2010), что может выступать фактором, опосредующим проявления агрессивности во взаимодействии в интернет-среде, усиливая связь между агрессией и киберагрессией или существенно трансформируя ее. Также обращают на себя внимание сведения об отсутствии уровневых различий в киберагрессии подростков-девочек и подростков-мальчиков (Álvarez-García, Barreiro-Collazo, & Núñez, 2017), которые вступают в противоречие с традиционными представлениями о различиях в показателях агрессивности (офлайн) между мужчинами и женщинами (например, Ениколопов и Цибульский, 2007). То же можно сказать в отношении отрицательной взаимосвязи между киберагрессией и эмпатией, которая, будучи установленной в одних исследованиях (Rodríguez-Hidalgo, Mero, Solera, Herrera-López, & Calmaestra, 2020), опровергается результатами других, согласно которым эмпатия не является значимым коррелятом киберагрессии (на примере кибербуллинга: Athanasiades, Baldry, Kamariotis, Kostouli, & Psalti, 2016).

Отмеченные противоречия, проявляющиеся при анализе взаимосвязей между склонностью к киберагрессии, агрессивностью и эмпатией, вероятно, обусловлены различиями в способах концептуализации и изменения феномена киберагрессии, в частности, тенденции к отождествлению понятий «киберагрессия» и «кибербуллинг», которые в реальности обозначают разные феномены, различающиеся по степени систематичности и преднамеренности поведения агрессора, а также возможностей жертвы противостоять влиянию агрессора. В отличие от кибербуллинга, который представляет преднамеренные неоднократные акты агрессивного поведения индивидуума или группы, осуществляемые им (ими) в интернет-пространстве в отношении жертвы, которая не имеет ресурсов для того, чтобы остановить это поведение (Smith et al., 2008), феномен киберагрессии включает в себя значительно более широкий диапазон поведенческих реакций. В частности, проявления киберагрессии существенно варьируются с точки зрения мотивов, обеспечивающих побуждение к агрессии в интернет-пространстве.

Так, более десяти лет назад было предложено дифференцировать киберагрессию на реактивную и проактивную в зависимости от того, является ли агрессивное поведение реакцией на провокацию со стороны других интернет-пользователей или же она инициируется самим субъектом. В 2013 г. К. Рунионс предложил типологию киберагрессии, в которой мотивы агрессивного поведения онлайн рассматриваются через два ортогональных измерения: источник побуждения (собственная инициатива или действия партнера по коммуникации, провоцирующие агрессивный ответ) и степень самоконтроля (импульсивная или произвольная киберагрессивная реакция).

С опорой на классификационную сетку, построенную по этим основаниям, выделено четыре основных мотива подростковой киберагрессии: ярость, месть, отдых и вознаграждение (Runions, 2013). Ответная (иными словами, реактивная) киберагрессия может носить импульсивный характер, будучи реакцией на провокации со стороны других пользователей («ярость»), или же осуществляться произвольно, в режиме расчетливых действий, направленных на то, чтобы наказать обидчика, основанных на самоконтроле («месть»). Инициативная (проактивная) киберагрессия также может принимать импульсивные и контролируемые формы: в первом

случае она выражается в спонтанных действиях, осуществляемых без внимания к долгосрочным последствиям («отдых»), во втором – в контролируемых действиях, направленных на достижение положительных эффектов в долгосрочной перспективе, например, таких как получение бонусов в отношениях со значимыми людьми. В отличие от ответной киберагрессии, которая детерминирована отрицательными эмоциями киберагрессора, возникшими в результате взаимодействия с партнерами по онлайн-коммуникации, проявления инициативной киберагрессии определяются положительными эмоциями от текущего агрессивного акта (Runions, Bak, & Shaw, 2017).

Авторы описанной выше модели предполагают, что охарактеризованные ими типы мотивов киберагрессии имеют разную психологическую природу, однако эмпирические данные, которые помогли бы содержательно уточнить и верифицировать данную гипотезу, сегодня достаточно фрагментарны, что определило *цель нашего исследования*, которая заключается в изучении взаимосвязей между склонностью к различным формам киберагрессии подростков и их личностными особенностями, которые гипотетически могут рассматриваться в качестве предикторов киберагрессии – агрессивности и эмпатии. Основной исследовательский вопрос заключался в том, каким образом взаимосвязаны между собой склонность к различным типам киберагрессии, агрессивность и эмпатия в подростковом возрасте. Помимо этого, учитывая результаты наших предыдущих исследований, указывающих на опосредованность личностной детерминированности склонности к киберагрессии факторами возраста и пола (Антипина, Бахвалова и Микляева, 2019; Antipina, Bakhvalova, & Miklyaeva, 2019), нас интересовало, изменяется ли характер взаимосвязей между склонностью к киберагрессии, агрессивностью и эмпатией по мере взросления подростков и различается ли он в выборах подростков мужского и женского пола.

Методы

В исследовании приняли участие 196 подростков в возрасте 12–15 лет (55,1 % девочек, 46,9 % мальчиков), учащиеся школ г. Санкт-Петербурга, в том числе 50 человек в возрасте 12 лет, 58 человек – 13 лет, 44 человека – 14 лет, и 44 человека – 15 лет. Подростки принимали участие в исследовании добровольно во внеурочное время. От каждого подростка, а также от его родителей (законных представителей) были получены информированные согласия на участие в исследовании.

Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью методов анкетирования и тестирования. Анкета включала вопросы, позволяющие получить информацию социально-демографического характера. Тестирование было направлено на оценку склонности к киберагрессии, а также ее потенциальных личностных предикторов – агрессивности и эмпатии. Оценка склонности к киберагрессии осуществлялась с помощью опросника «Типология киберагрессии» (Runions et al., 2017), адаптированного для русскоязычной выборки в нашем исследовании. С помощью опросника оценивается склонность к различным типам киберагрессии: импульсивно-инициативному, импульсивно-ответному, произвольно-инициативному, произвольно-ответному (первые три шкалы включают по 6 пунктов опросника, последняя – 5; общее количество вопросов – 23, оценка каждого пункта осуществляется по 4-балльной шкале). Агрессивность оценивалась с помощью опросника уровня агрессивности Басса – Перри в адаптации С. Н. Ениколопова (версия из 29 вопросов, включающая четыре шкалы: физическая агрессия, гнев, враждебность и вербальная агрессия) (Ениколопов и Цибульский, 2007).

Оценка эмпатии осуществлялась с помощью шкалы эмоционального отклика А. Меграбяна в модификации Н. Эпштейна (Ильин, 2011).

Статистическая обработка данных была произведена с помощью пакета статистических программ Statistica 10.0 и реализовывалась в два этапа. Первый этап включал расчет описательных статистик ($M \pm S$) и оценку характера распределения признаков с помощью критерия Шапиро – Уилка. Результаты показали, что с доверительной вероятностью 0,95–0,99 (для разных параметров) распределение данных приближено к нормальному. Учитывая данные о характере распределения признаков, на втором этапе осуществлялась оценка различий между подгруппами, сформированными по возрасту и полу, с помощью однофакторного дисперсионного анализа (F), а также оценка взаимосвязей между изученными признаками с помощью корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона, r), регрессионного анализа (B) и кластерного анализа.

Результаты

Результаты исследования показывают, что между показателями киберагрессии, агрессивности и эмпатии в процессе анализа данных, полученных на совокупной выборке, обнаруживается единственная, притом довольно слабая корреляционная взаимосвязь – между показателями импульсивно-ответной агрессии и вербальной агрессии ($r = 0,14$ при $p = 0,05$). При этом показатели различных типов киберагрессии связаны друг с другом тесными положительными связями ($0,62 \leq r \leq 0,92$ при $p < 0,001$), так же, как и показатели агрессивности ($0,15 \leq r \leq 0,80$ при $p \leq 0,05$), в то время как показатель эмпатии положительно коррелирует с показателями гнева и враждебности ($0,18 \leq r \leq 0,22$ при $p < 0,01$) и при этом отрицательно – с показателем физической агрессии ($r = -0,22$ при $p = 0,01$). Также зафиксированы отрицательные взаимосвязи между показателями киберагрессии и возрастом респондентов ($-0,23 \leq r \leq -0,17$ при $p < 0,05$) (табл. 1). Регрессионный анализ, осуществленный на совокупной выборке, не позволил получить статистически значимую регрессионную модель. На этом основании было сделано предположение о том, что киберагрессия может иметь разную личностную детерминацию, т. е. поддерживаться разными личностными особенностями.

Таблица 1

Описательные статистики и коэффициенты корреляции (по выборке в целом)

Показатели	<u>M</u>	<u>S</u>	<u>2</u>	<u>3</u>	<u>4</u>	<u>5</u>	<u>6</u>	<u>7</u>	<u>8</u>	<u>9</u>	<u>10</u>	<u>11</u>	<u>12</u>
1. Возраст	13,37	1,16	-0,17*	-0,21**	-0,22**	-0,23**	-0,23**	0,01	0,05	0,04	0,18**	0,04	0,17*
2. Импульсивно-ответная КА	16,87	5,71	1,00	0,71***	0,84***	0,73***	0,92***	0,07	0,09	0,04	0,14*	0,09	-0,02
3. Произвольно-ответная КА	16,76	4,57		1,00	0,74***	0,62***	0,84***	0,10	0,08	-0,03	0,06	0,07	-0,10

Таблица 1
Описательные статистики и коэффициенты корреляции (по выборке в целом)

Показатели	M	S	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
4. Произ- вольно- иници- ативная КА	18,08	6,39			1,00	0,84***	0,96***	0,02	0,11	0,05	0,09	0,08	-0,04
5. Импуль- сивно- инициа- тивная КА	14,44	4,94				1,00	0,89***	0,05	0,04	0,01	0,04	0,05	-0,10
6. Кибер- агрессия (сум.)	66,26	19,47					1,00	0,06	0,09	0,02	0,09	0,08	-0,07
7. Физи- ческая агрессия	19,22	6,82						1,00	0,32***	0,22**	0,36***	0,72***	-0,22**
8. Гнев	18,20	5,78							1,00	0,53***	0,46***	0,80***	0,18**
9. Враж- дебность	18,20	5,61								1,00	0,15*	0,75***	0,28**
10. Вер- бальная агрессия	13,45	3,51									1,00	0,43***	-0,03
11. Агрес- сивность (сум.)	55,61	13,57										1,00	0,08
12. Эм- патия	67,52	11,43											1,00

Примечание: КА – киберагрессия; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,01$.

Для проверки этой гипотезы с помощью кластерного анализа (Ward's method, by cases) респонденты были разделены на группы (табл. 2). Первую группу составили 58 подростков, в числе которых несколько преобладали девочки (65,5 %). Для этой выборки оказалась типичной выраженность киберагрессии в сочетании с высокими значениями

по параметрам «гнев», «враждебность» и «эмпатия». Вторую группу составили 76 человек, в которой было относительно больше мальчиков (55,3 %). Для этой группы также оказались характерными высокие показатели киберагрессии в сочетании с высокими баллами по шкале физической агрессии. Третья группа, состоящая из 62 человек (59,7 % девочек и 40,3 % мальчиков), характеризовалась низкими значениями по всем параметрам киберагрессии. Помимо указанных различий, статистически значимой характеристикой по результатам кластеризации оказался и возраст: самой «младшей» выборкой оказалась группа 2, где высокие оценки киберагрессии были сопряжены с выраженностью физической агрессии как компонента агрессивности; самой «взрослой» – группа 3, для которой характерны самые низкие показатели киберагрессии. При этом различия в количестве мальчиков и девочек в каждой из групп не являются статистически значимыми.

Таблица 2

Описательные статистики ($M \pm S$) для подгрупп, выделенных с помощью кластеризации

Признаки	Группа 1 (n = 58)	Группа 2 (n = 76)	Группа 3 (n = 62)	F
Возраст	13,51 ± 1,14	13,18 ± 1,09	13,73 ± 1,28	5,05*
Импульсивно-ответная КА	19,74 ± 3,73	18,67 ± 4,22	8,90 ± 3,40	210,5***
Произвольно-ответная КА	18,72 ± 3,24	17,88 ± 3,48	11,54 ± 4,72	102,6***
Произвольно-инициативная КА	21,17 ± 3,79	20,18 ± 4,23	8,71 ± 4,76	249,7***
Импульсивно-инициативная КА	15,87 ± 3,66	15,94 ± 3,92	8,71 ± 4,44	108,3 ***
Киберагрессия (сум.)	75,51 ± 11,60	72,66 ± 13,20	37,85 ± 14,60	239,4***
Физическая агрессия	16,06 ± 4,21	21,16 ± 7,19	17,20 ± 5,99	4,47*
Гнев	19,79 ± 4,84	18,24 ± 6,03	15,76 ± 5,34	8,78**
Враждебность	20,49 ± 5,92	17,42 ± 5,29	17,24 ± 5,46	5,57**
Вербальная агрессия	13,23 ± 3,76	13,73 ± 3,63	12,61 ± 2,67	–
Агрессивность (сум.)	53,34 ± 10,21	56,79 ± 14,73	50,20 ± 12,37	–
Эмпатия	76,91 ± 6,65	64,09 ± 9,92	65,83 ± 13,24	7,70**

Примечание: КА – киберагрессия; * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,01$.

Полученные результаты определили целесообразность учета факторов возраста и пола подростков при решении задачи поиска предикторов киберагрессии подростков. Анализ описательных статистик, рассчитанных с учетом возраста и пола респондентов (табл. 3), позволил отметить, что показатели киберагрессии находятся на достаточно высоком уровне в выборках подростков 12–14 лет, существенно снижаясь к 15 годам, причем эта тенденция характерна как для мальчиков, так и для девочек ($5,19 \leq F \leq 7,81$ при $p < 0,01$). Значения показателей агрессивности и эмпатии на протяжении всего подросткового возраста находятся примерно на одинаковом уровне, при этом показатели эмпатии, с одной стороны, а также гнева и враждебности, с другой стороны, достоверно выше в выборке девочек ($6,77 \leq F \leq 38,18$ при $p < 0,01$), в то время как показатель физической агрессии существенно выше в выборке мальчиков ($F = 37,86$ при $p < 0,001$).

Признаки	Возраст				F	Пол		F
	12 лет	13 лет	14 лет	15 лет		Д	М	
Импульсивно-ответная КА	17,54 ± 5,05	16,95 ± 5,91	18,75 ± 4,08	14,11 ± 6,64	5,19**	17,16 ± 5,80	16,51 ± 5,62	–
Произвольно-ответная КА	17,60 ± 3,47	16,69 ± 4,51	18,50 ± 3,39	14,16 ± 5,62	7,81***	16,50 ± 4,71	17,08 ± 4,39	–
Произвольно-инициативная КА	19,62 ± 5,53	18,05 ± 6,64	20,07 ± 4,11	14,36 ± 7,35	7,31***	18,37 ± 6,56	17,72 ± 6,19	–
Импульсивно-инициативная КА	15,60 ± 4,54	14,53 ± 5,05	15,82 ± 3,24	11,61 ± 5,57	7,10***	14,60 ± 5,02	14,24 ± 4,86	–
Киберагрессия (сум.)	70,36 ± 15,43	66,22 ± 20,63	73,14 ± 11,90	54,25 ± 23,35	5,62***	66,93 ± 16,99	65,93 ± 19,93	–
Физическая агрессия	18,02 ± 5,99	19,90 ± 7,81	21,23 ± 6,42	17,70 ± 6,26	–	16,68 ± 5,45	22,35 ± 7,05	37,68***
Гнев	17,36 ± 5,62	18,71 ± 5,73	19,57 ± 6,09	17,14 ± 5,51	–	19,29 ± 5,38	16,88 ± 5,99	9,30**
Враждебность	17,72 ± 5,30	19,19 ± 6,22	17,30 ± 5,64	18,34 ± 5,03	–	19,18 ± 5,88	17,00 ± 5,05	6,77**
Вербальная агрессия	12,56 ± 3,68	13,41 ± 3,49	13,89 ± 3,29	14,07 ± 3,46	–	13,45 ± 3,99	13,44 ± 2,83	–
Агрессивность (сум.)	53,20 ± 13,15	57,79 ± 14,79	58,05 ± 13,18	53,05 ± 12,19	–	55,14 ± 12,74	56,19 ± 14,58	–
Эмпатия	64,74 ± 13,08	67,93 ± 10,58	66,57 ± 11,46	71,07 ± 9,74	–	71,69 ± 11,58	62,40 ± 8,93	38,19***

Примечание: КА – киберагрессия; Д – подгруппа девочек; М – подгруппа мальчиков; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,01$.

Сопоставление показателей, характеризующих типы агрессии между собой, позволяет констатировать, что в выборке в целом, а также в подгруппах, выделенных по возрасту и полу, несколько преобладает произвольно-инициативный тип киберагрессии, однако эти различия не достигают статистически значимых величин.

Корреляционный анализ, проведенный отдельно для каждой группы, сформированной по основаниям «возраст» и «пол», не позволил выделить специфические взаимосвязи между склонностью к киберагрессии, агрессивностью и эмпатией в выборках мальчиков и девочек, однако зафиксировал увеличение количества взаимосвязей между этими показателями по мере взросления подростков. В выборках 12- и 13-летних респондентов таких взаимосвязей не обнаружено, в то время как в выборке 14-летних обнаружена статистически значимая взаимосвязь между склонностью к киберагрессии и вербальной агрессией ($r = 0,31$ при $p = 0,05$), в выборке 15-летних – три взаимосвязи: с вербальной агрессией, суммарным показателем агрессивности и эмпатией ($r = 0,32$, $r = 0,36$ и $r = -0,30$ при $p = 0,05$ соответственно). При этом регрессионный анализ позволил получить единственную статистически достоверную регрессионную модель, согласно которой предиктором импульсивно-ответной киберагрессии среди подростков в возрасте 15 лет является показатель вербальной агрессии, объясняющий 18,5% ее дисперсии (табл. 4).

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа (выборка подростков 15 лет), $R^2 = 0,19$

Предикторы киберагрессии	b^*	Std. Err. of b^*	b	Std. Err. of b	t	p
Вербальная агрессия	0,44	0,21	0,84	0,41	2,06	0,05

Обсуждение результатов

Полученные в нашем исследовании результаты не дают оснований рассматривать агрессивность и эмпатию в качестве устойчивых коррелятов или тем более надежных предикторов киберагрессии в подростковом возрасте, что поддерживает сведения об отсутствии прямолинейных связей между склонностью к киберагрессии, агрессивностью и эмпатией, полученные другими авторами (Athanasiaides et al., 2016; Pornari & Wood, 2010), а также зафиксированные в наших предыдущих исследованиях (в частности, в отношении взаимосвязей киберагрессии и агрессивности), осуществленных с применением проективных методов анализа личностных особенностей подростков (Антипина и др., 2019). Обнаруженные в нашем исследовании взаимосвязи склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии, хотя и отражают ожидаемую положительную корреляцию между склонностью к киберагрессии и агрессивностью (прежде всего, вербальной), носят крайне фрагментарный характер и являются довольно слабыми. На наш взгляд, эти результаты свидетельствуют в пользу предположения о том, что киберагрессия, понимаемая как широкий спектр поведенческих реакций в интернет-пространстве, детерминированных качественно различными мотивами, не тождественна проявлениям агрессии в офлайн-среде и имеет вариативные связи с особенностями личности подростков.

С помощью кластерного анализа было установлено, что высокие значения показателей склонности к киберагрессии в некоторых случаях могут быть сопряжены с более высоким

уровнем физической агрессии подростков, что свидетельствует о возможности переноса агрессивных тенденций из офлайн-взаимодействия в интернет-пространство, в котором, однако, физическое воздействие на партнера по коммуникации невозможно, в силу чего привычные способы проявления агрессии, вероятно, трансформируются. В то же время в других случаях высокие показатели киберагрессии продемонстрировали сопряженность с высокими показателями эмпатии, сочетающейся с высокими значениями параметров агрессивности «гнев» и «враждебность», что, по всей вероятности, указывает на потенциальную эмоциогенность ситуаций киберагрессии для подростков в сочетании с принципиально иной, в сравнении с офлайн-взаимодействием, трактовкой происходящего и, в частности, оценкой вреда, который наносят его/ее действия жертве агрессии. Исследователями показано, что онлайн-взаимодействие отличается от офлайн-общения, в частности, недооценкой последствий собственных действий, имеющих нравственную нагрузку (Bouhnik & Mor, 2014). Это, вероятно, позволяет подросткам использовать ресурсы эмпатии для понимания возможных реакций жертвы, однако не способствует отказу от агрессивных действий в ее адрес, поскольку их последствия не кажутся агрессору достаточно серьезными. Необходимо отметить, что, судя по всему, описанные взаимосвязи между склонностью к киберагрессии и эмпатией более характерны для младших подростков, эмпатия которых находится в стадии формирования, тогда как по мере приближения к старшему подростковому возрасту эмпатия приобретает статус отрицательного предиктора склонности к киберагрессии, т. е. становится фактором защиты от проявлений агрессии в интернет-пространстве.

Согласно полученным результатам, взаимосвязь склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии в подростковом возрасте в большей степени опосредована фактором возраста подростков, нежели фактором пола. В нашем исследовании не было выявлено различий между выраженностью различных типов киберагрессии у девочек и мальчиков, что соответствует данным, представленным другими авторами (Álvarez-García et al., 2017). Также не было обнаружено «полоспецифичных» коррелятов и предикторов склонности к киберагрессии, несмотря на констатацию ожидаемых (в соответствии с имеющимися в литературе данными, например, Ениколопов и Цибульский, 2007; Юсупов, 1995) различий по показателям агрессивности и эмпатии. В то же время зафиксирована возрастная динамика показателей склонности к киберагрессии различных типов, которая заключается в их статистически достоверном снижении к 15-летнему возрасту. Выборки 12-, 13- и 14-летних подростков демонстрируют схожие тенденции, которые заключаются, во-первых, в более широком разбросе показателей, характеризующих склонность к киберагрессии различных типов с некоторым доминированием произвольно-инициативной киберагрессии, и, во-вторых, в практически полном отсутствии значимых корреляций между показателями склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии, в то время как в выборке 15-летних показатели различных типов киберагрессии практически уравниваются, а также усиливаются их взаимосвязи с особенностями личности.

На основании результатов, характеризующих возрастную динамику склонности к киберагрессии во взаимосвязи с агрессивностью и эмпатией, можно предполагать, что на начальных этапах подросткового возраста киберагрессия не является личностно-детерминированным поведением, а выступает своеобразной формой «социальных проб», в которых подростки «тестируют» различные возможности взаимодействия с другими людьми в интернет-пространстве, представляющемся им более безопасным. В силу этого они склонны недооценивать риски, которые влекут за собой их агрессивные действия, подкрепленные теми или иными мотивами

и направленные на причинение вреда партнеру по онлайн-коммуникации. Отметим, что эти предположения в определенной степени согласуются с результатами наших предыдущих исследований, согласно которым киберагрессия на первых этапах подросткового возраста в значительно меньшей степени взаимосвязана с проблемным поведением, чем в выборке старших подростков (Antipina et al., 2019). К старшему подростковому возрасту, однако, ситуация меняется, «социальные пробы» постепенно теряют свою актуальность, и во взаимодействии в интернет-пространстве начинают все в большей степени проявляться устойчивые личностные особенности подростков. Представляется, что переломным моментом становится 15-летний возраст, однако этот вывод нуждается в уточнении с помощью привлечения более старших респондентов, что составляет перспективу нашего исследования.

Заключение

Таким образом, в нашем исследовании было показано, что склонность к киберагрессии, агрессивность и эмпатия не демонстрируют сильных прямолинейных взаимосвязей, которые были бы универсальными на протяжении подросткового возраста. Агрессивность (прежде всего, вербальная агрессия) и эмпатия становятся значимыми коррелятами киберагрессии только в 14- и 15-летнем возрасте соответственно, в то время как на предыдущих этапах подросткового возраста взаимосвязи между склонностью к киберагрессии и личностными особенностями не прослеживаются. При этом независимо от возраста агрессивность не является значимым предиктором склонности к киберагрессии, эмпатия приобретает этот статус только в выборке 15-летних подростков.

Результаты, полученные в нашем исследовании, указывают на необходимость дифференцированного подхода к профилактике и коррекции киберагрессии подростков, учитывающего возрастные особенности проявлений агрессии в интернет-пространстве. На первых этапах подросткового возраста профилактические и коррекционные программы могут строиться вокруг задач, связанных с созданием условий для осознания подростками мотивов своих «социальных проб» в интернет-взаимодействии и их последствий для партнеров по коммуникации и отношений с ними. В старшем подростковом возрасте такая работа предполагает создание условий для развития эмпатии, дефицит которой на данном этапе личностного развития становится значимым предиктором склонности к киберагрессии.

Литература

- Антипина, С. С., Бахвалова, Е. В. и Микляева, А. В. (2019). Гендерные различия киберагрессии в подростковом возрасте. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, 2, 65–73. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-7>
- Бочавер, А. А. и Хломов, К. Д. (2014). Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 11(3), 178–191.
- Ениколопов, С. Н. и Цибульский, Н. П. (2007). Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. *Психологический журнал*, 28(1), 115–124.
- Ильин, Е. П. (2011). *Эмоции и чувства*. Санкт-Петербург: Питер.
- Леньков, С. Л. (2020). Специфика деструктивной киберагрессии в образовательной среде. *Ярославский педагогический вестник*, 4, 107–117.
- Москвичев, С. А. (2018). Кибербуллинг как одна из форм асоциального поведения в подростково-молодежной среде. В А. Н. Подчерняев и др. (ред.), *Проблемы противодействия*

- преступности в современных условиях* (с. 132–139). Орёл: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова.
- Солдатова, Г. У., Львова, Е. Н. и Пермякова, И. Д. (2018). Феномены традиционного буллинга и кибербуллинга: сходства и различия. В Р. В. Ершова (ред.), *Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека*. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет.
- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И. и Чигарькова, С. В. (2020). Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи. *Национальный психологический журнал*, 2(2), 3–20.
- Солдатова, Г. У., Чигарькова, С. В. и Львова, Е. Н. (2017). Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области. *Эпоха науки*, 12, 103–109.
- Суворова, О. В., Сорокоумова, С. Н. и Фрундина, М. Н. (2017). Личностные детерминанты эмпатии и агрессии современных подростков. *Проблемы современного педагогического образования*, 56(3), 337–346.
- Шаров, А. А. (2020). Измерение киберагрессии: разработка русскоязычного аналога опросника СУВА. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*, 9(2), 118–125. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-2-118-125>
- Юсупов, И. М. (1995). *Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты)* (докторская диссертация). Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.
- Álvarez-García, D., Barreiro-Collazo, A., & Núñez, J.-C. (2017). Cyberaggression among adolescents: Prevalence and gender differences [Ciberagresión entre adolescentes: Prevalencia y diferencias de género]. *Comunicar*, 25, 89–97. <https://doi.org/10.3916/C50-2017-08>
- Ang, R. P., Li, X., & Seah, S. L. (2017). The role of normative beliefs about aggression in the relationship between empathy and cyberbullying. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 48(8), 1138–1152. <https://doi.org/10.1177/0022022116678928>
- Antipina, S., Bakhvalova, E., & Miklyaeva, A. (2019). Cyber-aggression and problematic behavior in adolescence: Is there connection? In D. Alexandrov, A. Boukhanovsky, A. Chugunov, Y. Kabanov, O. Koltsova, I. Musabirov (Eds.), *Digital transformation and global society. DTGS2019. Communications in computer and information science* (Vol. 1038). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-37858-5_54
- Athanasiades, C., Baldry, A. C., Kamariotis, T., Kostouli, M., & Psalti, A. (2016). The “net” of the Internet: Risk factors for cyberbullying among secondary-school students in Greece. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 22, 301–317. <https://doi.org/10.1007/s10610-016-9303-4>
- Bouhnik, D., & Mor, D. (2014). Gender differences in the moral judgment and behavior of Israeli adolescents in the Internet environment. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 65(3), 551–559. <https://doi.org/10.1002/asi.22979>
- Corcoran, L., Mc Guckin, C., & Prentice, G. (2015). Cyberbullying or cyber aggression?: A review of existing definitions of cyber-based peer-to-peer aggression. *Societies*, 5(2), 245–255. <https://doi.org/10.3390/soc5020245>
- Eisenberg, N., Eggum, N. D., & Di Giunta, L. (2010). Empathy-related responding: Associations with prosocial behavior, aggression, and intergroup relations. *Social Issues and Policy Review*, 4(1), 143–180. <https://doi.org/10.1111/j.1751-2409.2010.01020.x>
- Espelage, D. L., Low, S., Polanin, J. R., & Brown, E. C. (2013). The impact of a middle school program to reduce aggression, victimization, and sexual violence. *Journal of Adolescent Health*, 53(2), 180–186. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2013.02.021>

- Gómez-Guadix, M., Orue, I., Smith, P. K., & Calvete, E. (2013). Longitudinal and reciprocal relations of cyberbullying with depression, substance use, and problematic Internet use among adolescents. *Journal of Adolescent Health, 53*(4), 446–452. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2013.03.030>
- Gini, G., Card, N. A., & Pozzoli, T. (2018). A meta-analysis of the differential relations of traditional and cyber-victimization with internalizing problems. *Aggressive Behavior, 44*(2), 185–198. <https://doi.org/10.1002/ab.21742>
- Goldstein, S. E. (2015). Parental regulation of online behavior and cyber aggression: Adolescents' experiences and perspectives. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace, 9*(4), 2. <https://doi.org/10.5817/CP2015-4-2>
- Pornari, C. D., & Wood, J. (2010). Peer and cyber aggression in secondary school students: The role of moral disengagement, hostile attribution bias, and outcome expectancies. *Aggressive Behavior, 36*(2), 81–94. <https://doi.org/10.1002/ab.20336>
- Rodríguez-Hidalgo, A. J., Mero, O., Solera, E., Herrera-López, M., & Calmaestra, J. (2020). Prevalence and psychosocial predictors of cyberaggression and cybervictimization in adolescents: A Spain-Ecuador transcultural study on cyberbullying. *PLoS ONE, 15*(11). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0241288>
- Runions, K. C. (2013). Toward a conceptual model of motive and self-control in cyber-aggression: Rage, revenge, reward, and recreation. *Journal of Youth and Adolescence, 42*, 751–771. <https://doi.org/10.1007/s10964-013-9936-2>
- Runions, K. C., Bak, M., & Shaw, T. (2017). Disentangling functions of online aggression: The Cyber-Aggression Typology Questionnaire (CATQ). *Aggressive Behavior, 43*(1), 74–84. <https://doi.org/10.1002/ab.21663>
- Smith, P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S., & Tippett, N. (2008). Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child Psychology and Psychiatry, 49*(4), 376–385. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x>
- Suler, J. (2004). The online disinhibition effect. *CyberPsychology & Behavior, 7*(3), 321–326. <https://doi.org/10.1089/1094931041291295>
- Wright, M. F. (2017). Adolescents' perceptions of popularity-motivated behaviors, characteristics, and relationships in cyberspace and cyber aggression: The role of gender. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, 20*(6), 355–361. <https://doi.org/10.1089/cyber.2016.0693>
- Wright, M. F., Aoyama, I., Kamble, S. V., Li, Z., Soudi, S., Lei, L., & Shu, C. (2015). Peer attachment and cyber aggression involvement among Chinese, Indian, and Japanese adolescents. *Societies, 5*(2), 339–353.

Дата получения рукописи: 30.12.2020

Дата окончания рецензирования: 18.03.2021

Дата принятия к публикации: 23.03.2021

Информация об авторах

Светлана Степановна Антипина – аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Scopus Author ID: 57222137804, SPIN-код: 1185-7022; e-mail: sveta-anti@mail.ru

Антипина С. С., Микляева А. В.

Взаимосвязь склонности к киберагрессии, агрессивности и эмпатии в подростковом возрасте

Российский психологический журнал, 2021, Т. 18, № 2, 94–108. doi: 10.21702/rpj.2021.2.6

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Анастасия Владимировна Микляева – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; Scopus Author ID: 53984860100, ResearcherID: D-4700-2017, SPIN-код: 9471-8985; e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Заявленный вклад авторов

Светлана Степановна Антипина – разработка программы исследования, адаптация опросника «Типология киберагрессии» на русском языке, сбор и обработка эмпирических данных, формулировка выводов по результатам исследования, подготовка текста статьи.

Анастасия Владимировна Микляева – научное руководство исследованием, формирование теоретического обзора, подготовка текста статьи, оформление статьи в соответствии с требованиями журнала.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.